

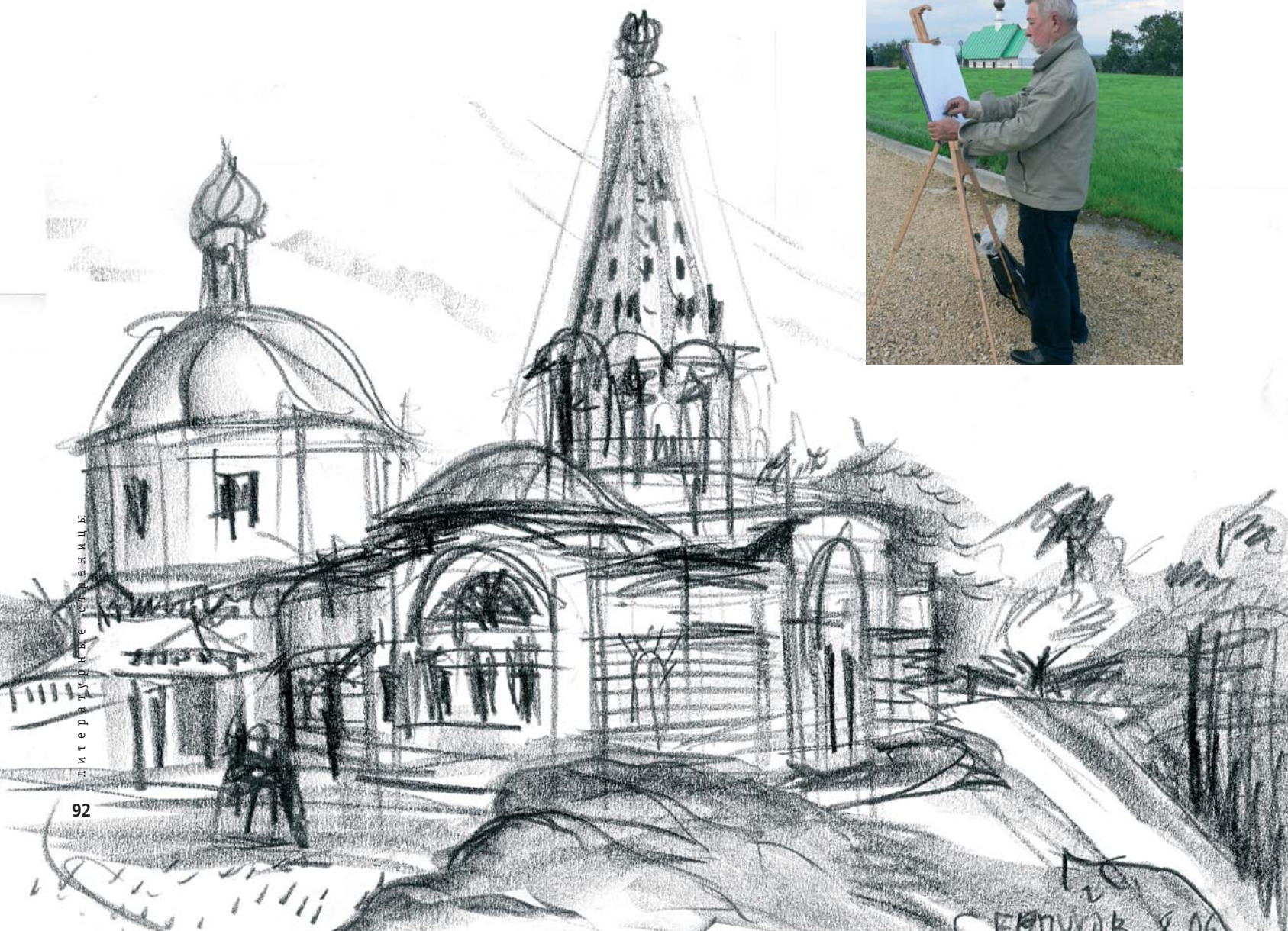
святых. За короткий по нашим меркам век этот человек прожил три совершенно разных жизни.

Мегаполис, всасывая в себя все больше и больше людей разных конфессий и национальностей, превращается в безликое пространство, где житель — космополит становится неким среднеарифметическим существом. Утрата корней была бы не так и чревата, если бы с ней не рвалась нить, связывающая с народом и его традициями, и если бы эта оторванность каким-то непонятным образом не повышала психическую напряженность бесприютного человека, не порождала душевные недуги и фобии. Стихийный космополитизм ведет к подмене своих национальных понятий на суррогатные. Раскрученные западные бренды: Хеллоин, Санта Клаус незаметно замещают наших родных и теплых. Например, сегодня широко освещается и популяризируется день Святого Валентина, реже Ивана Купалы и почти никогда Святых Петра и Февронии Муромских. Когда в Муроме я услышал

«Повесть о Святом благоверном князе Петре и княгине Февронии Муромских», то был сражен красотой и ненавязчивой назидательностью их жизнеописания. В нем есть и любовь, и подвиги, и чудеса, и почти детективные повороты сюжета, — словом все, что пленяет и сегодняшнего умудренного читателя. А ведь эта история времен домонгольской Руси и персонажи свои, муромские и рязанские, и повествование так сочно и убедительно, что невольно захватывает навсегда.

Не только утратой исторической памяти можно объяснить то, что мы не отмечаем праздник любви в день памяти Святых Петра и Февронии, — это невежество и отсутствие любопытства — недуги поверхностной и овеществленной жизни мегаполиса.

Мне близко знаком Серпухов — старый уютный город, оседавший холмы по берегам реки Нары. Сегодня капитализм здесь многое меняет,

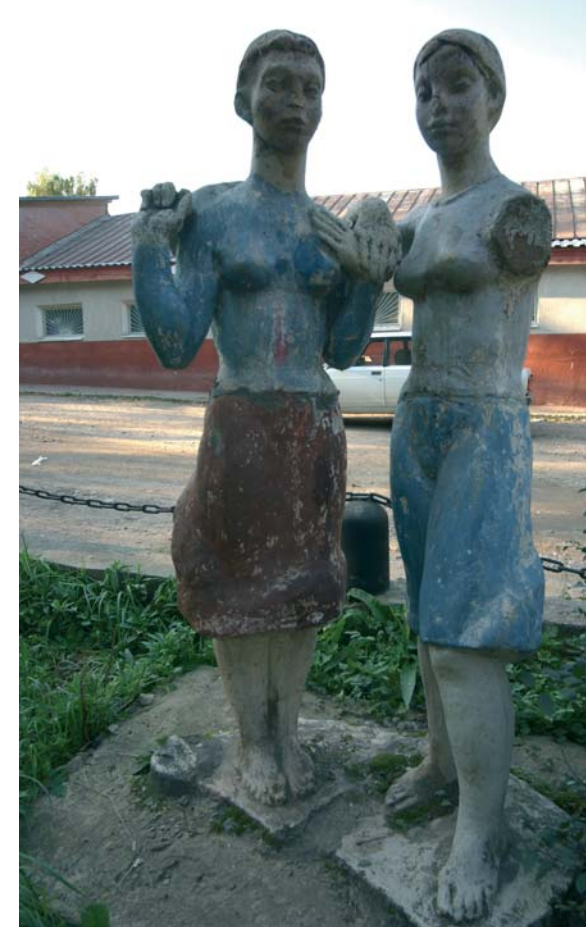

и уже изменил, хотя на каждом шагу еще можно встретить живописные уголки, лопухи и крапивные заросли. Живы пока уютные дворики под вековыми липами или елями, частные домишки, лепящиеся на склонах холмов, руины монастырей с чертами возрождения, что делает их особенно привлекательными, — как будто переносишься через века к началу их строительства. Облик русского малого города исконно создавали монастырские стены и купола церквей. Они оберегали от врага и спасали души. Символично, что именно с монастырей началось воскрешение провинции. Меня порадовало, что люди приходят в монастырь не только для молитвы, — не все мы этому научены, — но для размышления, беседы, работы. Есть трудники, которых монастыри готовы приютить и накормить за посильную помощь в хозяйстве. Слишком долго мы жили по-другому: в монастырях психиатрические лечебницы, в церквях — склады, на свободных территориях — оборонные предприятия, а сам город — придаток к какому-нибудь индустриальному гиганту. Как акт децентрализации в советское время это явление давало определенный импульс развитию, но с утратой религиозной и культурной составляющей одни малые города превращались в резервации и рабочие поселения, а другие, растрчивая самобытность, тянулись за столицами. Так Нижний Новгород, ставший

Горьким, слился с городом Сормово и поселком автозавода ГАЗ и превратился в гигантский мегаполис-монстр, напигованный оборонной промышленностью и до конца советских времен остававшийся закрытым для туристов. Между тем, историческая застройка центральной части города, древний кремль, уникальный ландшафт в месте слияния Оки и Волги, богатейшая история купеческих тра-

Мой знакомый серпуховский антиквар Анатолий Петрович, как всегда приветливо и с явным удовольствием продав мне гарднеровский сервиз, с сознанием законного права на отдых позвонил домой и сказал, чтоб обед ставили на стол, а он скоро будет. Сквозь обычную столичную снисходительность, с которой мы ощущаем себя в провинции, я почувствовал укол зависти. Я представил, как Анатолий Петрович, оставив магазин на помощницу, минут через десять сядет за стол в кругу семьи и со вкусом пообеда-ет. А потом позанимается с детьми и, может быть, даже вздремнет. А его улыбчивая молодая жена приберет все на кухне и отправится с детьми проводить бабушку. Каждое из описанных мною гипотетических действий Анатолия Петровича и его жены в столице было бы сопряжено с колоссальными потерями времени, перемещениями на огромные расстояния, а подчас и просто невозможно. Некомпактность и дискомфортность нашего образа жизни в условиях мегаполиса обернулась недоступностью самых простых вещей. Иными словами, мегаполис, по инерции кажущийся лучшим местом для жизни, на новом витке человеческих ценностей таковым уже не является, — слишком дорого человек платит за блага цивилизации. Однако ко многим утратам мы так привыкаем, что считаем их нормой жизни, продолжая существовать с ними, как с хроническими болезнями. Что же делать с мегаполисами? Да в общем, ничего — они сами обретут оптимальный размер и станут местом приложения самых честолюбивых и креативных молодых людей.

диций, истинно русский дух и мощь делают Нижний драгоценной жемужиной среди русских городов. Мне посчастливилось после института по распределению поработать районным архитектором его центральной части. По долгу службы я перевидал много

забытых и превращенных в склады рестораций и купеческих клубов, построенных добротнo и с изумительной изобретательностью. Например, в купеческом ресторане в районе речного вокзала был сделан огромный стеклянный купол, который в мою бытность уже не пропускал света от грязи, но по-прежнему защищал от дождя и снега. Когда-то в центре роскошного зала под этим куполом располагался бассейн с проточной водой, которая подавалась по подземным каналам прямо из Оки, — в бассейне плавала стерлядь. Кухонный блок был размещен отдельно от обеденного зала, дабы не допускать запахов кухни

